

вѣка тѣмъ, что далъ ему часть въ собственномъ творческомъ дѣлѣ. И поэтому творчество имѣетъ религіозную цѣнность, возможно лишь при прохожденіи аскетическаго пути, потому что аскетическій путь имманентенъ творческому акту. Тутъ аскетизмъ и нигилизмъ выявляютъ свою противоположность. Аскетизмъ является неотъемлемой частью творческаго пути, а нигилизмъ — предѣльнымъ отрицаніемъ творчества. Человѣческое творчество есть не только внутреннее состояніе, но и внѣшнее дѣланіе, мѣняющее обликъ міра.

Творчество включаетъ художество, всякое искусство, всякое человѣческое дѣланіе, которое проектируется, какъ *ars*. Творчество должно быть связано съ религіозной цѣнностью человѣка (аскетическій моментъ долженъ быть имманентно заложенъ въ творческомъ актѣ). Спаянность внѣшняго дѣланія и религіознаго — есть вдохновеніе (духовный артистизмъ).

Культъ есть духовное средоточіе культуры.

Два русскихъ мыслителя, выражавшіе настроеніе и характеръ своей эпохи, такъ отвѣчали на вопросъ о смыслѣ и нормѣ религіозной культуры:

1) Ал. Бухаревъ проповѣдывалъ, что все надо совершать въ духѣ Иисуса Христа, быть съ Нимъ и творить во имя Его.

2) Федоровъ считалъ, что творчество есть не только внутреннее, но и внѣшнее дѣланіе, и на этомъ основаніи видѣлъ возможность возстановленія падшаго человѣка на путяхъ культуры.

Какъ матерія любитъ форму и художника, который даетъ ей форму, такъ и человѣкъ ищетъ ту форму, которую любитъ его матерія. Но онъ долженъ творить не какъ Прометей и не какъ рабъ, но какъ сынъ, которому сказано: «Безъ меня не можете творить ничего», и который самъ говоритъ о себѣ: «Все могу о укрѣпляющемъ меня Иисусѣ».

Съѣздъ православной культуры.

17—19 мая подъ Парижемъ, въ мѣстечкѣ Менюль, происходилъ не совсѣмъ обычный съѣздъ. Это былъ не одинъ изъ многочисленныхъ съѣздовъ Движенія, хотя идея его родилась въ нѣдрахъ Движенія и организационно онъ былъ подготовленъ особой инициативной группой. Задачей устроителей было собрать группу православныхъ работниковъ въ различныхъ культурныхъ отрасляхъ для обсужденія нѣкоторыхъ принципиальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ темой православной культуры. Была осознана необходимость защитить эту идею и противопоставить ее, какъ «нейтральной» культурѣ совре-

менности, такъ и антикультурнымъ теченіямъ въ самомъ православіи.

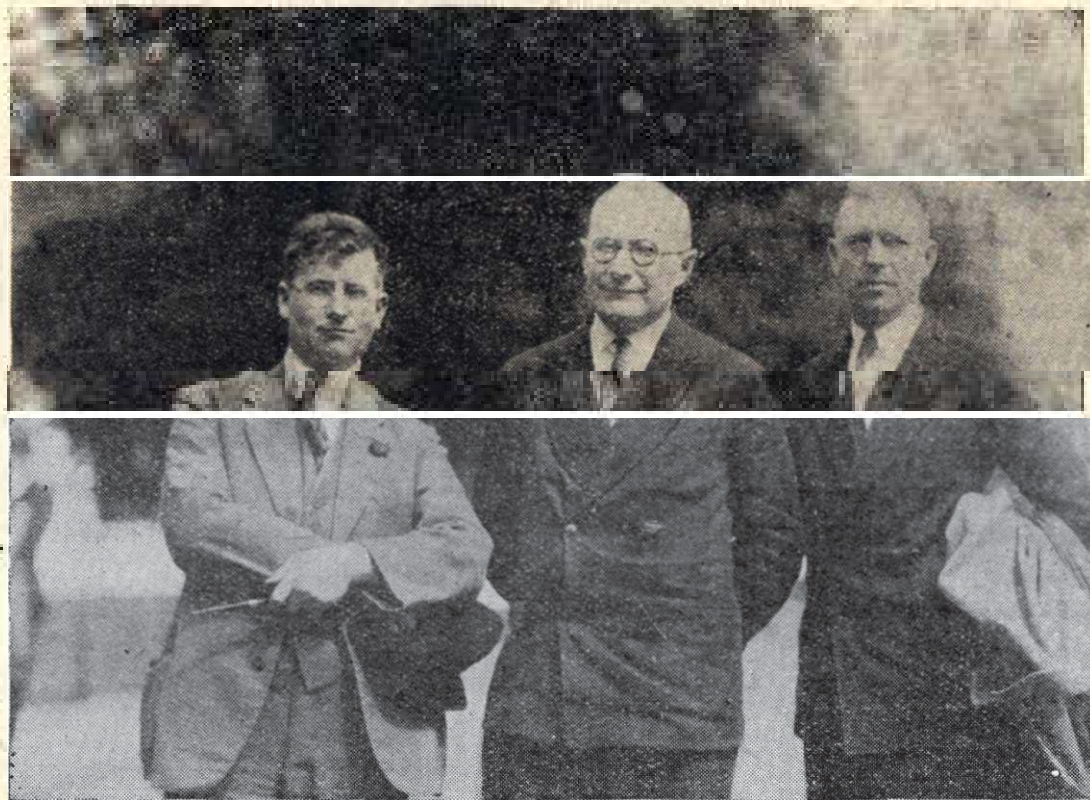
Съѣздъ былъ не очень многолюденъ (50 чел.), далеко не всѣ дѣятели, имѣющіе право представлять православную культуру, хотя бы во Франціи, на немъ присутствовали. Но начало положено. Съѣздъ не оказался безсодержательнымъ, а идея его «сама собою разумѣющейся», какъ нѣкоторые опасались. Живыя и острые порою пренія показывали, что на съѣздѣ поставлены жизненные вопросы современнаго православнаго сознанія. И поставлены они были не педагогически, какъ ставятся на большинствѣ съѣздовъ,

въ расчетъ на мало подготовленную аудиторію, а со всею серьезностью и прямо-тою, которой они требуютъ.

Изъ четырехъ докладовъ двухдневнаго съезда, подъ предсѣдательствомъ проф. В. В. Зѣньковского, докладъ о. Сер-

участуемъ, отказываясь отъ творчества. Для многихъ было новостью узнать о занятіяхъ астрономіей еп. Теофана Затворника и объ интересѣ послѣдняго къ современнымъ свѣтскимъ журналамъ.

Проф. Г. П. Федотовъ говорилъ о

Участники съезда: Ф. Либъ (Швейцарія), проф. В. Н. Ильинъ и Д. И. Лаури (Америка).

гій Булгакова о «Догматическомъ обоснованіи культуры», въ записи слушателей, мы печатаемъ въ настоящемъ номерѣ «Вѣстника». Основоположный для работъ съезда, онъ не вызвалъ никакихъ возраженій. Изъ дополненій къ нему въ дискуссіи особенно цѣнны были замѣченія проф. Г. В. Флоровскаго, который указывалъ, что передъ нами стоитъ выборъ не между культурой и религіей, а между культурой и природой, (т. е. новымъ руссоизмомъ, толстовствомъ), или же, практически, между православной и неправославной культурой, въ которой мы невольно со-

«Трудностяхъ сегодняшняго дня въ дѣлѣ строительства православной культуры». Сравнивая настоящее положеніе съ Россіей передъ войной (около 1910 года), докладчикъ констатировалъ рядъ поражений, понесенныхъ идеей православной культуры. 20 лѣтъ тому назадъ эта идея вела за собой культурную элиту нации. Теперь ея вліяніе слабо чувствуется за предѣлами узкаго круга. «Факель, который несли столько поколѣній, начиная съ Хомякова, чахнетъ и гаснетъ». Зарубежная православная молодежь живетъ или идеей духовной жизни въ міру (Р. С. Х.

Дв.) или идеей практическаго служенія Церкви (Богословскій Институтъ). Тѣмъ и другимъ чужда идея православной культуры. Молодежь не слышитъ съ церковной кафедры напоминанія этой идеи, какъ христіанскаго долга. Наконецъ, старшее поколѣніе, вынесшее ее на своихъ плечахъ, не умѣтъ связать ее съ конкретными проблемами культуры и жизни, довольствуясь отвлеченными общими формулами. Такова общая наша вина. Докладчикъ указывалъ на три историческихъ препятствія для роста православной культуры: 1) «безсловесность», допетровской культуры, не оставившей намъ традиціи культурнаго православія, 2) ложное пониманіе аскетизма для мірянъ, «аѳонское» (направленіе послѣдняго времени, отчасти, связанное съ «вульгаризаціей Добротолубія»), 3) максимализмъ русской интеллигенціи, выражающійся, послѣ религиозныхъ обращеній, въ культурномъ ренегатствѣ или апокалиптикѣ сектантскаго типа. Практическіе выводы: необходимость все новаго разъясненія религиозной цѣнности культуры, особенно со стороны пастырей, общее наше участіе въ конкретной культурной работѣ современности и обращенность къ міру, «выходъ въ міръ» изъ нашихъ замкнутыхъ православныхъ кружковъ и объединеній.

Пренія по докладу Г. П. Федотова носили особенно острый характеръ. Нѣкоторые упрекали докладчика въ пессимизмъ, въ нечувствіи положительной работы современности (В. В. Зѣньковскій) защищали отдѣльныя группы, «обиженные», какъ имъ казалось, несправедливо: православныхъ философовъ, студентовъ, Движеніе. Защищали аскетическую идею и выясняли истинное значеніе «Добротолубія» (о. Сергій Булгаковъ). Но большинство говорившихъ признавало современность поднятой тревоги и присо-

единилось къ положеніямъ Г. П. Федотова. Въ заключительномъ словѣ онъ подчеркнул, что не думалъ отрицать значенія аскетическаго и созерцательнаго момента въ христіанствѣ. Но вседѣлая установка на него означала бы отказъ отъ православной культуры Россіи, сведенія православія къ нѣкому некультурному меньшинству и духовную смерть Россіи. Быть можетъ, молитва аѳонита значить болѣе въ судьбахъ міра, чѣмъ вся наша культурная работа, но она не можетъ явиться оправданіемъ дезертирства тѣхъ, кто поставленъ на культурномъ участкѣ христіанскаго фронта.

Докладъ Н. А. Бердяева «Культура и апокалипсисъ», ставитъ вопросъ о внутреннемъ религиозномъ противорѣчій въ культурѣ. Въ западномъ христіанствѣ, воспитанномъ на греко-римской традиціи, еще существуетъ «конкордатъ между церковью и культурой». Культура Запада классична. Однако, и здѣсь возникаютъ романтическія реакціи. Западная культура остается закованной въ категоріяхъ классицизма и романтизма. Этому противостоитъ апокалипсисъ, который такъ сильно пропитываетъ православное сознаніе. Культура не хочетъ знать объ Апокалипсисѣ, стремится устроиться въ конечномъ на безконечное время. Но и въ ней самой есть свой внутренній Апокалипсисъ. Въ русскомъ православіи, гдѣ творческія силы не развертывались въ древности такъ свободно, какъ на Западѣ, XIX и XX вѣка проникнуты апокалиптическимъ мотивомъ. Русскіе мыслители почти всѣ переживали трагедію культуры. Въ этомъ отношеніи показательна судьба Гоголя, Толстого, Достоевскаго. Въ русскомъ сознаніи искусство, философія и сама культура переходятъ за предѣлы культуры — въ сверхъ-культуру. Таковъ былъ паѳосъ и русскихъ символистовъ. Традиція высокой русской культуры —

сомнѣніе въ ея возможности. Внутри самой культуры совершается настоящий Страшный Судъ надъ нею. Смертельная горечь свободного познанія таится въ самыхъ глубинахъ ея. Между творческимъ взлетомъ и охлажденнымъ результатомъ творчества лежитъ пропасть. Творцы призваны творить новое бытіе, творческое же познаніе человѣка осѣдаетъ въ написанной книгѣ, не эквивалентной творческому напряженію. Но отъ культуры нужно идти вверхъ, а не внизъ, нельзя звать къ погрому культуры. Неудача культуры имѣетъ великій положительный религіозный смыслъ. Только въ свободѣ творчества возможно созиданіе культуры. Но вмѣстѣ со свободой неотвратимо развивается процессъ секуляризаціи, какъ результатъ раздвоенія замысла о цѣльности. Тутъ встаетъ вопросъ о возможности православной культуры. Творчество невозможно изъ специфическаго заданія. Правда не въ томъ, что я задался цѣлью одѣлать свое познаніе православнымъ, — но, задаваясь цѣлью постигнуть истину, я могу надѣяться, что она будетъ совпадать съ христіанскимъ откровеніемъ. Должны ли мы отвергать величайшихъ представителей культурнаго творчества на томъ основаніи, что они не были православны или, даже вообще религіозны? (Проблема Пушкина, Гете). Тутъ единственно, что несомнѣнно, — это то, что творческіе дары свои они получили отъ Бога.

Возвращаясь къ внутренней трагедіи культуры, Н. А. Бердяевъ кончаетъ признаніемъ: «Есть нѣчто, гораздо невыносимѣе варварства, — это культурное самодовольство середины. Иногда варварское нашествіе спасаетъ культуру отъ окаменѣнія и самодовольства.»

Въ преніяхъ по докладу Н. А. Бердяева, проф. **Флоровскій** указалъ на различіе между творчествомъ и культурой, кото-

рая необходимо связана съ традиціей, съ общимъ дѣломъ. «Вопросъ о русской культурѣ — это вопросъ о томъ, будетъ ли русская исторія или только русскій апокалипсисъ».

Швейцарскій теологъ **Фр. Либъ**, одинъ изъ гостей съѣзда, опредѣлилъ корень культурной трагедіи въ грѣховности творящаго человѣчества.

О. С. Булгаковъ считаетъ, что трагедія русскаго творчества не апокалиптическая, а религіозно-аскетическая: о. Матѳей (духовникъ Гоголя) и Толстой. Апокалипсисъ можетъ быть воспринятъ, какъ внутреннее откровеніе культуры. Противоплагается другъ другу эсхатологическая паника и культурный апокалипсисъ.

Проф. **В. Н. Ильинъ** видитъ метафизическій нервъ надлома въ отъединеніи Логоса отъ Христа.

Проф. **В. В. Зѣньковскій** возстаетъ противъ «мятежнаго прометеевского духа», который, по мысли докладчика, творитъ культуру.

Въ заключительномъ словѣ **Н. А. Бердяевъ**, защищаясь отъ упрековъ въ пессимизмъ, подчеркиваетъ, что только высшій творческій актъ — любовь — не знаетъ охлажденія. Все остальное въ творчествѣ знаетъ процессъ упадка. Главная трагедія культуры не въ столкновеніи добра и зла, а въ конфликтѣ равно высокихъ цѣнностей. Прометеевскій духъ человѣка есть выраженіе его творческаго призванія — какъ царя надъ силами (богами) природы.

Докладъ проф. **Б. П. Вышеславцева** «Церковь и государство» представлялъ опытъ суда надъ одной культурной проблемой — проблемой социальной. Историческое рѣшеніе ея въ православіи предлагалось въ формахъ священной монархіи. Въ революціи совершился Судъ Божій надъ нашею исторіей, и докладчикъ показываетъ, начиная съ библейскихъ вре-

мень и кончая Грознымъ, религиозную опасность монарх. принципа. Ему онъ противопоставляетъ начало «субъективно-публичныхъ правъ» личности, власти противопологаетъ право. Величайшія преступленія въ исторіи (смерть Сократа и Христа) совершались государствомъ. Изъ оппонентовъ проф. **В. Ильинъ** и **Г. Флоровскій** указали на невозможность противоположенія права и власти, какъ лежащихъ въ той же категоріи грѣшнаго міра. **О. С. Булгаковъ** внесъ поправки въ толкованіе докладчикомъ Библии. Проф. **В. В. Зѣньковскій** говорилъ объ идеальной идеѣ самодержавія, какъ она защищалась въ русской славянофильской школѣ.

Кромѣ указанныхъ 4 теоретическихъ докладовъ, на съѣздѣ была проведена бесѣда на практическую тему о «профессиональныхъ православныхъ объединеніяхъ». Краткое введеніе въ бесѣду сдѣлалъ профессоръ **В. В. Зѣньковскій**. Онъ указалъ на опытъ католическихъ (отчасти, американскихъ) прицерковныхъ профессиональныхъ организацій, но призналъ трудности въ немедленномъ учрежденіи такихъ группъ, какъ православный союзъ педагоговъ или врачей. Неотложная задача —

это проникновеніе православныхъ идей въ конкретную жизнь. Нужна подготовительная работа въ небольшихъ объединеніяхъ. Большинство ораторовъ соглашались съ соображеніями докладчика. Какъ общее резюме, **В. В. Зѣньковскій** констатируетъ, что съѣздъ призналъ необходимымъ: 1) организацію кружковъ на темы православной культуры, 2) работу въ другихъ группировкахъ и 3) принципиально, организацію православныхъ профессиональныхъ группъ.

Такимъ образомъ, съѣздъ сдѣлалъ первый шагъ на пути къ практической работѣ. Быть можетъ, не всѣ надежды, возлагавшіяся инициаторами его, оправдались, но съѣздъ все же проявилъ волю къ дѣйствию. Былъ избранъ временный комитетъ для подготовки будущаго съѣзда и веденія текущей работы. А, самое главное, передъ его участниками была поставлена высокая отвѣтственная задача. И отвѣтственность этой задачи была осознана вмѣстѣ съ ея трудностями. Пожелаемъ, чтобы въ Движеніи нашлось побольше молодыхъ и вдохновенныхъ силъ, которыя бы отдали себя на служеніе великой идеѣ православной культуры.

«Мѣсто свято» въ исторіи и историческая критика.

Передо мной только что — въ декабрѣ 1929 г. — вышедшій во второмъ изданіи третій томъ новѣйшей протестантской энциклопедіи*), заново переработанный при участіи выдающихся специалистовъ, отличающійся всѣми достоинствами подобныхъ нѣмецкихъ изданій, съ внѣшней сто-

*) **Die Religion in Geschichte und Gegenwart**. Handwörterbuch für Theologie und Religionswissenschaft. Zweite, völlig neubearbeitete Ausgabe, herausgegeben von Hermann Gunkel und Leopold Zscharnack. Dritter Band (Y-Me), J.C.B. Mohr (P. Siebeck). Tübingen, 1929. pp. 2176:2=1088.

роны не оставляющій желать ничего лучшаго, но и внутренне цѣльный, съ превосходно координированными статьями, богатыми содержаніемъ, удѣляющими особое вниманіе новѣйшимъ теченіямъ протестантской богословской мысли.

Какой же духъ царить въ этомъ изданіи?

Какъ ни близки въ настоящее время когда то враждебныя направленія протестантской мысли, все же на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: духъ того протестантскаго богословія, которое въ общежитіи принято называть либераль-